

УДК 94(571.54)

DOI: 10.18324/2224-1833-2026-2-156-163

Механизмы культурной интеграции и формирование полиэтничной городской общности в Западном Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в.

Т.В. Паликова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, Республика Бурятия
nnet2861@gmail.com

<https://otcid.org/0000-0003-2299-0343>

Статья поступила 27.03.2026, принята 25.05.2026

Актуальность данного исследования обусловлена современными вызовами, связанными с межкультурными и межэтническими взаимодействиями в условиях глобализации и усиления миграционных потоков. Поиск моделей успешного диалога культур, предотвращения конфликтов и формирования гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия является одной из ключевых задач современных обществ. Исторический опыт полиэтнических регионов, таких как Западное Забайкалье (Бурятия), где на протяжении столетий происходили сложные процессы интеграции и взаимовлияния, формируя устойчивые практики сосуществования, представляет в этом контексте значительный научный и практический интерес. Изучение роли города как катализатора и модератора этих процессов позволяет выявить не только эффективные механизмы межкультурной коммуникации, но и движущие силы формирования полиэтничной общности, что имеет практическое значение для современной национальной и миграционной политики. Цель данной статьи – выявить и проанализировать ключевые механизмы культурной интеграции и их роль в формировании полиэтничной городской общности в Бурятии во второй половине XIX – начале XX вв. С помощью комплекса историко-антропологических и кросс-культурных методов исследование смещает фокус с макрополитических процессов на повседневные практики межкультурного взаимодействия. Город рассматривается не просто как административная единица, а как динамичная среда для диалога различных культурных кодов. Исследование основано на архивных документах, отчётах административных и культурных институций, материалах периодической печати и статистических данных. Анализ показывает, что интеграция обеспечивалась синергическим комплексом трёх ключевых механизмов: образовательная система, создававшая единое коммуникативное поле и общий профессиональный корпус; музейная и научная деятельность, систематизировавшая знания, обеспечивавшая взаимную репрезентацию и формировавшая общий «символический капитал» региона; и праздничная культура, предоставлявшая неформальную, эмоционально насыщенную площадку для прямого межкультурного общения. Результатом стало не нивелирование этничности, а возникновение новой надэтнической идентичности «горожанина», позволявшей совмещать лояльность своей традиционной культуре с принадлежностью к более широкой городской общности. Этот исторический опыт демонстрирует эффективность «мягких» институциональных инструментов в управлении полиэтничным разнообразием, а предложенная модель «трёх механизмов» может служить аналитическим инструментом для оценки интеграционного потенциала современных городов.

Ключевые слова: Бурятия; поздний имперский период; городская среда; культурные институты; социокультурная интеграция; механизмы интеграции; межкультурное взаимодействие.

Mechanisms of cultural integration and the formation of a polyethnic urban community in Western Trans-Baikal region in the second half of the XIX – early XX centuries

T.V. Palikova

Buryat State University named after D. Banzarov; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
nnet2861@gmail.com

<https://otcid.org/0000-0003-2299-0343>

Received 27.03.2026, accepted 25.05.2026

The relevance of the study is determined by contemporary challenges related to intercultural and interethnic interactions amid globalization and increased migration. Identifying models for successful cultural dialogue, conflict prevention, and the formation of a common civic identity while preserving ethnocultural diversity is a key task for modern societies. The historical experience of polyethnic regions like Western Trans-Baikal (Buryatia), which for centuries has undergone complex processes of integration and mutual influence, developing sustainable practices of coexistence, is of significant scientific and practical interest in this context. Examining the city's role as a catalyst and moderator of these processes allows one to identify not only effective mechanisms and forms of intercultural communication but also the driving forces behind the formation of a polyethnic community, which has practical implications for modern national and migration poli-

cies. This article aims to identify and analyze the key mechanisms of cultural integration and their role in forming a poly-ethnic urban community in Buryatia during the late XIX and early XX centuries. Using a complex of historical-anthropological and cross-cultural methods, the study shifts the focus from macro-political processes to everyday practices of intercultural interaction. The city is considered not merely as an administrative unit but as a dynamic environment for the dialogue of different cultural codes. The research is based on archival documents, reports from administrative and cultural institutions, periodicals, and statistical data. The analysis reveals that integration was driven by a synergistic complex of three key mechanisms: the educational system, which created a unified communicative field and a shared professional corps; museum and scientific activities, which systematized knowledge, facilitated mutual representation, and formed a common "symbolic capital" for the region; and festive culture, which provided an informal, emotionally charged platform for direct intercultural communication. The result was not the erasure of ethnicity but the emergence of a new supra-ethnic "urban dweller" identity, allowing for loyalty to one's traditional culture while belonging to a broader, complex urban community. This historical experience demonstrates the effectiveness of "soft" institutional tools in managing polyethnic diversity, and the proposed model of "three mechanisms" can serve as an analytical framework for assessing the integration potential of modern cities.

Keywords: Buryatia; late Imperial period; urban environment; cultural institutions; socio-cultural integration; integration mechanisms; cross-cultural interaction.

Актуальность предложенной тематики обусловлена серьезными вызовами современности, которые напрямую связаны с интенсификацией межкультурных и межэтнических взаимодействий в условиях стремительной глобализации и значительного усиления миграционных потоков. В этой связи поиск эффективных моделей успешного диалога культур, разработка механизмов предотвращения конфликтов на почве межнациональной розни, а также формирование устойчивой общей гражданской идентичности при обязательном сохранении этнокультурного многообразия определяются сегодня как одна из ключевых задач развития современных обществ. В данном контексте исторический опыт полиэтнических регионов России, к числу которых, безусловно, относится и Западное Забайкалье (Бурятия), где на протяжении нескольких столетий происходили сложные процессы интеграции, взаимовлияния и аккультурации, а также формировались устойчивые практики мирного сосуществования различных этносов, представляет собой значительный научный и практический интерес. Особую значимость приобретает изучение городов, которые выступали в роли не просто места проживания, а мощного катализатора и модератора этих процессов. Такой подход к городу позволяет зафиксировать и конкретные эффективные механизмы и различные формы межкультурной коммуникации, и дает возможность выявить глубинные движущие силы процесса становления полиэтничной локальной общности, что имеет практическую ценность для совершенствования современной национальной и миграционной политики Российской Федерации.

Задавшись целью обнаружить и проанализировать ключевые механизмы культурной интеграции и их роль в формировании полиэтнической городской общности в Западном Забайкалье обозначенного времени, а также значение городов как главных центров культурного диалога и трансформации автор обратился к обширной историографии. Последняя отражает многолетние исследования проблематики межэтнических взаимодействий как в Забайкалье, так и в Сибири вообще, которая разработана в трудах как дореволюционных [23], так и современных авторов [17; 26]. Работы Л.Н. Гумилёва заложили теоретическую основу для понимания

этногенеза и характера контактов между различными этносами на евразийском пространстве [14]. В контексте бурятиеведения значительный вклад внесли научные разработки, посвященные истории просвещения [18, 19], а также труды по развитию городской культуры [1, 12, 13, 15, 16, 20, 22, 25]. Однако, несмотря на обилие публикаций, изучение городов Западного Забайкалья именно через призму целенаправленных механизмов интеграции до сих пор ещё не являлось объектом пристального внимания учёных, что обуславливает научную новизну предложенного исследования. В этой статье используются сведения, почерпнутые из широкого круга исторических источников и делопроизводственной документации (прежде всего различного рода отчётов административных и культурных институций). К ним относятся данные о деятельности учебных заведений (училищ, гимназий, воскресных школ) [5–7, 10, 11], материалы о работе музеев (Читинского и Троицкосавского отделов ПА ИРГО), включая сведения о посещаемости, численности и составе коллекций [5–11, 29], а также публикации в местной периодической печати (газеты «Восточное обозрение», Иркутск; «Байкал», Кяхта), освещавшей проведение национальных праздников, жизнь конфессиональных общин, ряд этнических культурных проблем [2, 4]. Дополнительно привлекались статистические данные, почерпнутые из опубликованных справочных изданий, таких как «Памятные книжки» [26] и «Обзоры» [23], которые являлись приложением к Всеподданническим отчётам военных губернаторов. В своей совокупности эти источники позволяют реконструировать многогранную картину культурного диалога, а также проследить как институциональные, так и неформальные каналы интеграции, существовавшие в изучаемый период.

Для решения поставленных задач был использован комплекс конкретно-исторических методов: от историко-антропологического и сравнительно-исторического до историко-реконструкционного и кросс-культурного. Применение этих методов позволило сместить фокус исследования с макрополитических процессов на повседневные практики межкультурного взаимодействия, механизмы формирования идентичности и роль отдельного человека в историческом процессе.

Применяемый в исследовании категориальный аппарат требует уточнения понятия «механизм культурной интеграции». Под механизмом в данном случае понимается устойчивая, институционально оформленная или регулярно воспроизводимая система практик, действий и взаимодействий, которая целенаправленно или объективно способствует сближению представителей разных этнических групп, формированию общего коммуникативного пространства и выработке надэтнических форм идентичности. Обращение к образованию, музейной и научной деятельности, праздничной и коммуникативной практикам в качестве основных механизмов обусловлено их институциональной оформленностью, фиксацией в источниках и возможностью количественного и качественного анализа условий, форм и результатов интеграции.

Город при таком взгляде рассматривается не как административная единица, а как живая, динамичная среда, как диалоговое поле различных культурных кодов, столкновения или взаимопроникновения разных культурных традиций. При этом принципиально важным становится восприятие города как единого социокультурного организма, в котором перечисленные элементы (механизмы), будучи акторами культурного диалога, находятся в тесной взаимосвязи, совместно выполняют функцию культурной интеграции, консолидации разнородного населения. Именно, благодаря высокой плотности социальных связей и наличию институциональной инфраструктуры в городе формируются новые практики и дискурсы, приводящие к рождению новых смесовых форм культурного конгломерата, которые затем могут транслироваться в сельскую периферию. Такой методологический синтез, объединяющий структурно-функциональный анализ с микроисторическими наблюдениями, позволил перейти от простого описания к измерению интенсивности культурных контактов, рассматривая город как своеобразную лабораторию по выработке интеграционных практик, что даёт возможность провести анализ глубинных механизмов формирования толерантной и поликультурной среды, а также выявить факторы, способствовавшие или препятствовавшие этому процессу.

Территориальная Бурятия с XVII века стала уникальной контактной зоной, настоящим полигоном взаимодействия разнотипных культур: кочевой и оседлой, земледельческой и скотоводческой, шаманистской, ламаистско-буддийской и христианско-православной. Этот процесс, по мысли Л. Гумилева, носил естественный и необратимый характер, поскольку ни один этнос не существует в полной изоляции от своих соседей. Взаимодействие происходило на всех уровнях человеческой жизнедеятельности: на социально-экономическом (через вовлечение автохтонного населения в товарно-денежные отношения и переход к оседлости), на бытовом (через отношения соседства, заимствование форм жилищ, элементов одежды, ремесленных техник, кулинарных традиций, совместный досуг, бытовые заимствования), на этническом (через межэтнические браки, формирование метисной группы «карымов») и на религиозном (через формирование уникального религиозного синкретизма, когда буддийские, шаманские

и православные практики сосуществовали и взаимодополняли друг друга).

Именно в сфере неформальных практик происходило наиболее органичное и глубокое взаимопроникновение культур, создававшее ту самую ткань повседневной солидарности, которая не фиксируется в делопроизводственной документации, но составляет основу устойчивости полиэтнических сообществ. Все эти глубинные изменения находили свое отражение в языке, постепенно меня ментальность народов и расширяя их культурные горизонты, формируя особую региональную идентичность, отличную как от метрополии, так и от соседних территорий.

Важным аспектом анализа является выделение этапов интеграционного процесса, которые определяются в источниках и отражают внутреннюю динамику, а не статику межкультурного взаимодействия. Первый этап (1860–1890-е гг.) связан с формированием институциональной базы: открытием первых гимназий, отделений научных обществ, музеев. В этот период закладывались основы тех структур, которые впоследствии стали системообразующими для интеграции. Вторым этапом (1890–1900-е гг.) характеризуется расширением сети воскресных школ, активизацией праздничной культуры, ростом благотворительности со стороны бурятского населения. Именно в эти десятилетия наблюдался количественный и качественный скачок в развитии интеграционных механизмов. Третий этап (1905–1917-е гг.) отмечен появлением новых форм общественной самоорганизации, дискуссиями о национальном образовании, влиянием революционных событий на межэтнические отношения. Выделение этих этапов позволяет проследить эволюцию интеграционных механизмов во времени, выявить факторы, ускоряющие или замедляющие этот процесс, и оценить устойчивость сформировавшихся практик.

Ключевую роль в интенсификации и качественной трансформации этого многовекового диалога сыграли города, которые появились с приходом на эту этническую территорию русских поселенцев. Возникновение городов в Забайкалье – Верхнеудинска (1666), Нерчинска (1653), Селенгинска (1665), а позднее Читы (1851) и Троицкосавска (1727) – было связано с освоением Сибири, развитием торговли с Китаем и укреплением южных границ империи. Городское пространство выступало не просто фоном, но активным агентом интеграции. Формальные пространства (школы, музеи, научные общества, храмы) создавали институциональные рамки для межкультурного взаимодействия, обеспечивая его легитимность и устойчивость. Неформальные пространства (базары, ярмарки, улицы, общественные сады) становились точками повседневных контактов, где этнические барьеры преодолевались стихийно, через совместную торговлю, соседство, бытовое общение. Именно сочетание формальных и неформальных пространств создавало ту плотность коммуникации, которая превращала город из места механического скопления разнородного населения в живой социокультурный организм. Будучи административными, военными, в последующем, и экономическими центрами, они стали тем самым «котлом», в котором происходило активное смешение «всех языков и наро-

дов» – русских, бурят, эвенков, монголов, китайцев, поляков, евреев, представителей других народов империи, оказавшихся в Забайкалье в результате ссылки, переселения или торговой деятельности. В первую очередь существенной сферой взаимодействия можно назвать экономическую или трудовую интеграцию, тем более, что городское пространство формировало единый рынок труда, где представители разных этносов вступали в производственные отношения. Совместная трудовая деятельность в торговых домах, на транспорте, в сфере строительства и городского хозяйства создавала базу для повседневного взаимодействия, выработки общего профессионального языка и взаимных адаптаций, не последнюю роль в этой инкорпорации играли городские ярмарки, где встречались представители разных этносов и конфессий, а приграничная торговля формировала еще и специфические этические правила и пиджин.

Городское пространство как регулятор / посредник взаимодействий создавало условия для этнокультурного комбинирования. Формирование городской застройки, сочетавшей русские, бурятские архитектурные элементы, создавало визуальный образ полиэтнического единства. Безусловно, города Забайкалья несли в себе русские градостроительные традиции, но находясь в центре национальных контактов, не могли не испытывать их влияния. Бурятская орнаментика, стилизованные детали декора и ордера в русских культовых зданиях (так называемое сибирское барокко) или в городской (как правило, деревянной) повседневной застройке встречались в разных вариациях (в виде буддийского храма в начале XX в. была выстроена купеческая дача в Верхнеудинске [22, с. 183], собственно буддийский храм, специально сооруженный в 1899 г. для промышленной и сельскохозяйственной выставки, подаренный городу в Чите). Более того, горожане часто обращались к бурятским мастерам для строительства и украшения жилых домов, поскольку они считались лучшими плотниками, о чём свидетельствуют договоры о строительстве в ф. 10 Государственного архива Республики Бурятия [10] и несколько повторяющихся вариантов резного декора. Здесь, думается, к месту упомянуть факт о том, что «восточный стиль» выходил далеко за рамки собственно городского пространства Бурятии и экспортировался в центральные регионы России. Имеется в виду участие Троицкосавской филиации Приамурского отделения ИРГО во Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. (Нижний Новгород), для экспонатов которого был построен специальный павильон [8, л. 9-9об; 27].

Строительство православных храмов, молитвенных домов для иудеев, мечетей для мусульман, костёлов для католиков в едином городском ландшафте не только отражало конфессиональное разнообразие, но и формировало практики соседства и взаимного уважения к сакральным пространствам.

В городском межкультурном диалоге есть ещё один, на наш взгляд, важный аспект, сформированный именно городом – участие в интеграционных процессах женщин. Женские учебные заведения (женские гимназии, епархиальные училища, повивальные школы), благотворительные общества, дамские комитеты

создавали специфические каналы коммуникации, отличные от «мужских» институтов [20; 26]. Именно женщины часто выступали хранительницами языковых и бытовых традиций, с одной стороны, и проводниками новых культурных норм, с другой.

Как видим, города создали принципиально новую социокультурную модель, где, несмотря на сохраняющиеся этнические различия, постепенно формировалось единое сообщество горожан, объединённое общим пространством и интересами. Если ранее взаимодействие шло преимущественно на уровне народной культуры и носило во многом стихийный характер, то во второй половине XIX – начале XX века оно приобрело институционализированный, профессионализированный характер. Думается, можно с уверенностью говорить о том, что города стали не просто «котлами», а своего рода «социальными инженерами», целенаправленно создававшими среду для интеграции посредством системы институтов. Выделим несколько направлений «видимой» интеграции, которые позволяют проследить этот процесс.

Важнейшей сферой межкультурного диалога стало просвещение, которое выступило одним из наиболее целенаправленных и системообразующих механизмов интеграции. Открытие русско-монгольской школы в Селенгинске (1804), пансионов для бурятских детей при гимназиях (1865–1889), а также учительских семинарий в Иркутске (1872) и в Чите (1916), повсеместное открытие приходских училищ способствовало не только распространению грамотности среди коренного населения, но и формированию национальной интеллигенции, которая впоследствии стала ключевым агентом культурного синтеза. Заметим, что специализированные учреждения изначально были предназначены для межкультурного взаимодействия и выполняли функцию проводников имперской культуры, но в то же время они создавали пространство, где представители разных этносов учились вместе, формируя личные связи, которые зачастую оказывались прочнее формальных институциональных рамок.

Анализ источников позволяет выделить два взаимосвязанных, но различных по своей природе интеграционных эффекта образовательной системы. Первый, условно обозначаемый как «вертикальная интеграция», выражался в формировании бурятской интеллигенции, получившей доступ к статусным учебным заведениям и через них – к социальным лифтам, государственной службе и участию в общественной жизни региона. Этот процесс фиксируется в данных о стипендиях, благотворительных пожертвованиях бурятских обществ на содержание гимназий, а также в биографиях выпускников, становившихся учителями, врачами, чиновниками. Второй эффект – «горизонтальная интеграция» – возник из самой повседневности совместного обучения, когда представители разных этносов оказывались в одном классе, участвовали в одних мероприятиях, где на первое место выходили личные качества ребенка. Отчеты учебных заведений, документирующие численность учащихся по сословиям и вероисповеданиям, а также описания школьных праздников, экскурсий и литературных вечеров в местной периодике свидетельствуют о том, что школа становилась простран-

ством, где этнические различия не отменялись, но переставали быть главным принципом социальной организации.

Обучение на русском языке, с одной стороны, было инструментом имперской политики и серьёзным вызовом для автохтонного населения, требующим адаптации (о сложностях, с которыми сталкивались бурятские дети, свидетельствуют дневниковые записи выдающегося бурятского этнографа, общественного деятеля, педагога – директора Бильчирского училища М.Н. Хангалова за 1910–1912 гг. [20]), но с другой – учитывая, что и административная, и законодательная, и собственно культурная сферы осуществлялись на «титულном» языке, объективно создавало единое коммуникативное и культурное поле для представителей разных этносов. Оно предоставляло бурятской молодежи доступ к широкому пласту знаний, социальной мобильности и делало бурят носителями элементов русской культуры, тем самым подготавливая почву для дальнейшего синтеза (в том же Бильчирском училище, по записям М.Н. Хангалова, преподавали И. и А. Хадагаевы, Хазагаевы [20]). Можно упомянуть учителя Банзарова, написавшего исторический очерк к пятитомному изданию «Труды Агинской экспедиции»). Особого внимания заслуживает фигура учителя, которая в полиэтническом регионе приобретала дополнительные функции, выходящие за рамки собственно педагогических. Учительские семинарии, а в последующем и VIII педагогические классы гимназий, готовили кадры вне зависимости от национальности, чья профессиональная идентичность, т. е. служение просвещению нередко оказывалась более значимой, чем этническая принадлежность. Выпускники этих учреждений, независимо от своего происхождения, становились носителями единого педагогического этоса, что создавало основу для профессиональной солидарности, пересекавшей этнические границы. В условиях, когда значительная часть учащихся была представлена детьми из бурятских семей, учитель выполнял функцию «культурного посредника» не только обучая русскому языку и основам наук, но и интерпретируя нормы и ценности, транслируемые через образовательную систему. Подобное в большей степени относится к сельской местности, в городе состав учащихся представлен разными национальными группами с преобладанием русских детей, но в целом это замечание вполне применимо и отражает суть учительства. В свою очередь, бурятские учителя, появившиеся среди выпускников семинарий, становились важным звеном, обеспечивавшим диалог между школьной системой и традиционным обществом, что снижало напряженность, неизбежно возникавшую при внедрении новых культурных форм. Это способствовало появлению общей профессиональной корпорации, чья идентичность основывалась на служении народному просвещению, а не только на своей этнической группе.

Просвещение взрослого населения через воскресные школы (Чита, Троицкосавск, Верхнеудинск, Селенгинск, Акша, Баргузин, 1895–1900-е гг.) [3, с. 203–205] и народные чтения (Чита, Верхнеудинск, Троицкосавск, 1895) также способствовало росту общей культурной среды и расширяло интеграционные процессы

за пределы детской и молодежной среды, вовлекая в диалог старшие поколения. Воскресные школы представляли собой особую форму образовательного механизма, принципиально отличную от гимназий и училищ. Во-первых, они были ориентированы на взрослое население – ту часть горожан, которая по известным причинам не получила систематического образования в детстве. Это означало, что в учебной аудитории встречались люди с уже сформированными культурными практиками, что делало процесс взаимодействия более сложным, но и более значимым для интеграции. Во-вторых, воскресные школы не предполагали словесных или этнических ограничений, что подтверждается данными о составе учащихся, фиксировавшими смешанную аудиторию [3].

Сюда следует добавить ещё один элемент просветительства – народные чтения, беседы, которые становились дополнительными каналами культурного обмена.

Как видим, система образования выполняла двойную функцию. С одной стороны, она была инструментом культурной адаптации, бурятская молодежь через русский язык и культуру усваивала нормы и ценности имперской культуры, становясь неким трамплином формирования межэтнической элиты. С другой, создавала общий кадровый ресурс для всего региона – интеллигенцию, чья деятельность была направлена на народное просвещение. Осознание необходимости в получении образования, как одного из условий успешной жизнедеятельности, вызывало и понимание в активном участии в создании базы для образовательной отрасли, в том числе и национальных обществ. В этом смысле самое деятельностное участие принимало бурятское общество, софинансируя строительство и оборудование новых школ через благотворительность (пожертвования для Баргузинской начальной школы, учреждение стипендий), которую можно рассматривать как интеграционный фактор, а бурятское общество как соучастника создания общей образовательной среды.

Другой эффективной формой диалога, помимо образования, была деятельность научных обществ и музеев. Троицкосавский (1894) и Читинский (1895) отделы Приамурского отделения ИРГО (ПА ИРГО) проводили масштабную работу по изучению быта, языка и верований коренного населения. Городские музеи (Нерчинск, 1886; Троицкосавск, 1890; Чита, 1895) стали центрами притяжения и реальными площадками для взаимодействия культур, создав легитимное публичное пространство для взаимного познания. Их посещали сотни человек разной этнической принадлежности, включая сельских жителей [2, 1903. №4. 25 янв.]. Если наука систематизировала и архивировала знания о «другом», то музеи, с их устойчивым потоком посетителей, делали эти знания достоянием формирующейся городской общественности, делая процесс познания наглядным и доступным. Бурятское население не только знакомилось с русской культурой, но и активно делалось своей собственной, жертвуя в музеи предметы быта и культа [25, с. 135]. Эту деятельность можно рассматривать как акт саморепрезентации и инклюзии собственной культуры в общее символическое поле региона. Этнографические коллекции музеев Забайкалья и Бурятии были настолько значительными, что

получили признание на всероссийских и мировых выставках (Нижний Новгород, 1896; Париж, 1900) [8, л. 9-9об; 27], и, как следствие, выводили диалог культур на новый, международный уровень, интегрируя локальную полиэтничную культуру в общероссийский и мировой контекст. Интересно и обратное влияние. Музей, располагавшийся в пограничном Троицко-савске, активно посещался представителями китайского и монгольского народов. Совокупность этих факторов позволяет рассматривать музеи как своеобразное зеркало, в котором каждая этническая общность могла видеть себя и образ «другого» в качестве признанных и уважаемых субъектов культурного взаимодействия. Результатом целенаправленной деятельности музеев стало формирование общего символического капитала региона. Этот капитал складывался из культурных вкладов каждого народа, проживавшего на данной территории, и выступал в роли фундамента для создания единой полиэтничной общности. Причем речь идет не только о формировании такой общности в рамках конкретного города, но и региона в целом.

Следующим значимым аспектом культурной жизни, который можно классифицировать как особый механизм сохранения и трансляции культурной идентичности, стали национальные праздники. Они представляли собой ещё одну доступную и востребованную форму сохранения и публичной презентации собственной культуры. В отличие от формализованных институтов образования и науки, национальные праздники носили неформальный характер, отличались зрелищностью и высокой эмоциональной насыщенностью. Празднества организовывались представителями национальной интеллигенции и включали демонстрацию традиционных обрядов, а также сцен из повседневной жизни различных этнических групп. Эти мероприятия широко освещались местной прессой и свидетельствуют о превращении национальных праздников в значимые общественные события, которые далеко выходили за рамки узконациональных. Они привлекали внимание городской общественности и играли важную роль в формировании общего культурного пространства и конкретного города, и региона в целом.

Такие мероприятия помогали горожанам других национальностей глубже понять, эмоционально почувствовать культурные традиции соседей, что способствовало разрушению устойчивых стереотипов и формированию взаимного интереса. Не меньшее значение имели праздники в пограничных городах. Здесь состоялся трансграничный культурный диалог, выразившийся в совместном праздновании русскими, бурятами, китайцами («Белый месяц», «Фонарь-день», «Счастливый день») национальных праздников [2; 24, с. 221]. Таким образом создавалась уникальная среда межкультурного общения, выходящего за этнические, административные или государственные границы, основанная на многовековом соседстве и общих экономико-культурных интересах.

Приведём ещё одно свидетельство культурного интереса к «другому», оставленное старожилом Верхнеудинска, бывшим учителем уездного училища, фотографом Н.Н. Бурлаковым, написавшим в 1923–1927 гг. поэму в стихах, где говорит о своём посещении дацана

наряду с другими молитвенными домами народов Западного Забайкалья. Правда, ламаистские храмы в это время не строились в городе, но факт сознательного посещения интересен. Бурлакова привлекла не только служба, но и традиционные игры бурят, проводившиеся в дни религиозных праздников (упоминает борьбу, стрельбу из лука и скачки) [2, с. 103].

Праздничная культура в полиэтничном городе расширяла досуговые практики горожан. Публичное пространство праздника становилось сценой для взаимной демонстрации, где каждая этническая группа могла показать себя, свои культуру, традиции, свою уникальность перед другими и участвовала в создании общего культурного поля города. в отличие от образования, где проявляется иерархичность / вертикальность ролей, как учитель – ученик или носитель культуры – осваивающий, праздник создавал некую горизонталь позиций, временное равенство участников. Каждая группа выступала и в роли исполнителя, демонстрируя свои традиции, и как реципиент, наблюдая за другими.

Такая амбивалентность способствовала проявлению взаимного интереса, некоему снижению напряжения и выработке общего языка описания культурных различий. Культурная локальность вписывалась в социокультурную ткань города, иными словами, этнические традиции становились частью общегородского пространства и условием сосуществования.

Подводя итоги исследования, можно уверенно утверждать, что города Западного Забайкалья конца XIX – начала XX в. не просто точка соприкосновения различных этносов, а подлинный сложноорганизованный социальный и культурный механизм. Он структурировал диалог между этносами и последовательно поднимал его на более высокий уровень. Ключевую роль в этом процессе играли выбранные нами городские институты культуры. Именно они способствовали профессионализации этнической коммуникации, обеспечивая плавный переход от стихийного бытового взаимодействия к осознанному культурному диалогу. Следствием данного процесса стало формирование новой городской идентичности «горожан», которая не отменяла национальных или конфессиональных различий, но органично надстраивалась над ними. Благодаря этому создавалась прочная основа для стабильного полиэтничного сообщества, способного противостоять внутренним и внешним вызовам. Её формирование целенаправленно обеспечивалось специально выстроенными механизмами, главными среди которых можно назвать образование как инструмент адаптации культур, научную деятельность как способ формирования общего символического пространства и праздники как средство создания условий для прямых социальных связей и неформального общения. Механизмы действовали совокупно, усиливая друг друга. Выпускники, получившие образование на русском языке, становились носителями имперской культуры и участниками научной и культурной жизни. Научная и музейная деятельность становилась одновременно методом познания «другого», ресурсной базой для школ и площадкой для проведения национальных праздников.

Последние создавали эмоциональное поле, усиливая восприятие школьной и музейной форм воздей-

ствия. Исторический опыт Забайкалья показывает высокую эффективность мягких форм институциональных инструментов в управлении полиэтническим разнообразием. Модель социокультурных механизмов позволяет воспроизвести каналы культурной интеграции, действовавшие в регионе на рубеже XIX–XX вв. В то же время ряд не менее значимых механизмов остался за рамками исследования. Благотворительность, межэтнические браки, неформальные экономические практики, периодическая печать, лишь упомянутые в тексте открывают перспективы дальнейшего изучения проблемы межэтнического взаимодействия

и взаимовлияния. Представленная модель имеет прикладные возможности и может быть применена для оценки интегративного потенциала современных городов при наличии реально работающих институтов, которые создают символические диалоговые пространства, обеспечивают взаимную презентацию культур и формируют у жителей устойчивое чувство соучастия в создании общего городского проекта на основе исторической преемственности и глубокого уважения к культурному наследию всех проживающих в городе народов.

Литература

1. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири / М.К. Азадовский. Иркутск: Иркутск. обл. изд., 1-я гос. типолит., 1947. Вып. 1. 203 с.
2. Бурлаков Н.Н. Город Верхнеудинск. Картины природы и быта. Улан-Удэ: Национальный архив Республики Бурятия, 1996. 160 с.
3. Байкал. Троицкосавск / Кяхта, 1897–1906.
4. Вольфсон Д. Сибирские воскресные школы / Д. Вольфсон. – Томск: Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1903. 237 с.
5. Восточное обозрение. Иркутск, 1882–1906.
6. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о) Забайкальское областное правление.
7. ГАЗК. Ф. 13. Военный губернатор Забайкальской области.
8. ГАЗК. Ф. 19. Забайкальский областной статистический комитет.
9. ГАЗК. Ф. Р-1666. Оп. 1. Д. 15.
10. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293 «Восточно-Сибирское отделение Императорского географического общества».
11. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10 Верхнеудинская городская управа.
12. ГАРБ Ф. 337 Верхнеудинское полицейское уездное управление.
13. Города Сибири. Экономика, управление и культура народов Сибири досоветского периода / Отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука, 1974. 299 с.
14. Городская культура Сибири: традиции и новации / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2002. 185 с.
15. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. М.: Айрис Пресс, 2019. 558 с.
16. Дележа Е.М. Формирование театра в Забайкалье / Е.М. Дележа. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1997. 118 с.
17. Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917 гг.) / И.Ю. Замула. Иркутск: Изд-во «Облмашининформ», 2001. 208 с.
18. История Бурятии: в 3 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
19. История науки, образования и культуры в Сибири / Отв. ред. Я.М. Кофман. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2008. 400 с.
20. Мамкина И.Н. Забайкальские учительские семинарии (1900–1921) / И.Н. Мамкина. Чита: Поиск, 2008. 161 с.
21. Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в. / С.Ч. Мантурова. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 232 с.
22. Музей истории Бурятии (МИБ). ОФ-4137. Дневник №12, 3-я часть за 1910–1911 гг. М.Н. Хангалова. Записи личные с июня 1910 г. по ноябрь 1911 г. с. Бильчир Иркутской губернии, 1910–1911 гг. 657 л.
23. Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ / Л.К. Минерт. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 248 с.
24. Обзор Забайкальской области за 1892–1911 год. Чита: Тип. Заб. Обл. правления, 1893–1914.
25. Осокин Г.М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Западного Забайкалья / Г.М. Осокин. С-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1906. 312 с.
26. Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.) / Т.В. Паликова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 260 с.
27. Памятная книжка Забайкальской области на 1891–1902, 1904, 1912, 1914 год. Чита: Тип. Заб. областн. Правления 1891–1902, 1904, 1912, 1914.
28. Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде / сост. Н.А. Крюков, агроном при Приамурском генерал-губернаторстве, председатель Приамурского края на Всероссийской выставке. Н. Новгород: тип. т-ва А. Ржонниченко, 1896. 234 с.
29. Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской / отв. ред. П.О. Рыкин. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. 306 с.
30. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения Императорского Русского Географического общества. Т. 3. Вып. 2-3. 1900 г. С.-Петербург: Сенатская тип., 1902. 140 с.

References

1. Azadovsky M.K. Essays on the Literature and Culture of Siberia / M.K. Azadovsky. Irkutsk: Irkutsk Regional Publishing House, 1st State Printing House, 1947. Issue 1. 203 p.
2. Burlakov N.N. The city of Verkhneudinsk. Pictures of nature and life. Ulan-Ude: National Archive of the Republic of Buryatia, 1996. 160 p.
3. Baikal. Troitskosavsk / Kyakhta, 1897–1906.
4. Wolfson, D. Siberian Sunday Schools / D. Wolfson. – Tomsk: A.A. Levenson Rapid Printing Partnership, 1903. 237 p.
5. Eastern Review. Irkutsk, 1882–1906.
6. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). F. 1(o) Transbaikalian Regional Administration.
7. GAZK. F. 13. Military Governor of Transbaikalian Oblast.
8. GAZK. F. 19. Transbaikalian Regional Statistical Committee.
9. GAZK. F. R-1666. Inv. 1. File 15.
10. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). F. 293 "East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society".
11. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). F. 10 Verkhneudinsk City Council.
12. GARB. F. 337 Verkhneudinsk District Police Administration.
13. Cities of Siberia. Economy, Administration, and Culture of the Peoples of Siberia in the Pre-Soviet Period / Ed. by O.N. Vilkov. Novosibirsk: Nauka, 1974. 299 p.

14. Urban Culture of Siberia: Traditions and Innovations / Ed. by N.N. Pokrovsky. Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2002. 185 p.
15. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth / L.N. Gumilev. Moscow: Iris Press, 2019. 558 p.
16. Delezha E.M. The Formation of Theater in Transbaikalia / E.M. Delezha. Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex of the East Siberian State Academy of Culture and Arts, 1997. 118 p.
17. Zamula I.Yu. Urban Culture and Social Life of Verkhneudinsk (1875 – February 1917) / I.Yu. Zamula. Irkutsk: Oblmashinform Publishing House, 2001. 208 p.
18. History of Buryatia: in 3 vols. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS Publishing House, 2011.
19. History of Science, Education, and Culture in Siberia / Ed. by Ya.M. Kofman. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2008. 400 p.
20. Mamkina I.N. Transbaikalian Teacher Seminaries (1900–1921) / I.N. Mamkina. Chita: Poisk, 2008. 161 p.
21. Manturova S.Ch. Public Welfare and Charity in the Social and Cultural Life of Transbaikalia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries / S.Ch. Manturova. Ulan-Ude: Republican Printing House OJSC Publishing House, 2005. 232 p.
22. Museum of the History of Buryatia (MIB). OF-4136. Diary No. 11, Part 2 for 1910 by M.N. Khangalov. Personal Notes from April to June 1910. Bilchir Village, Irkutsk Governorate, 1910; MIB. OF-4137. Diary No. 12, Part 3 for 1910–1911 by M.N. Khangalov. Personal Notes from June 1910 to November 1911. Bilchir Village, Irkutsk Governorate, 1910–1911. 657 l.
23. Minert L.K. Architecture of Ulan-Ude / L.K. Minert. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House, 1983. 248 p.
24. Survey of Transbaikalian Oblast for 1892–1911. Chita: Printing House of the Transbaikalian Regional Administration, 1893–1914.
25. Osokin G.M. On the Border of Mongolia: Essays and Materials on the Ethnography of Western Transbaikalia / G.M. Osokin. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House, 1906. 312 p.
26. Palikova T.V. The Development of Culture in the Cities of Transbaikalian Oblast (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries) / T.V. Palikova. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House, 2008. 260 p.
27. Commemorative Book of Transbaikalian Oblast for 1891–1902, 1904, 1912, 1914. Chita: Printing House of the Transbaikalian Regional Administration, 1891–1902, 1904, 1912, 1914.
28. The Amur Region at the All-Russian Exhibition in Nizhny Novgorod / Comp. by N.A. Kryukov, Agronomist under the Amur Governor-General, Chairman of the Amur Region Committee at the All-Russian Exhibition. Nizhny Novgorod: Printing House of the A. Rzhonsnitsky Partnership, 1896. 234 p.
29. Siberian Collection – 3. Peoples of Eurasia within Two Empires: Russian and Mongolian / Ed. by P.O. Rykin. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, 2011. 306 p.
30. Proceedings of the Troitskosavsk-Kyakhta Department of the Amur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 3. Issues 2–3. 1900. St. Petersburg: Senate Printing House, 1902. 140 p.